

Мужья, просящие поминок,
или «Мифические любовники»:
о чем рассказывают вдовы после войны

Инна С. Веселова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия;*

*АНО «Пропповский центр: гуманитарные исследования
в области традиционной культуры», Санкт-Петербург,
Россия, veselinna@mail.ru*

Аннотация. На примере устных фольклорных рассказов круга сюжета «Мифический любовник» показано, как исторические события проживаются в личном опыте, как они отражаются в меморатах, а потом вспоминаются и пересказываются, создавая особый вспоминающий коллектив. Материалом для анализа стали десять нарративов разных жанров устной фольклорной прозы: мифологические рассказы о сексуальных контактах с «нечистыми», история о вызывании лешачихи, рассказы о снах, записанные фольклористами СПбГУ в Вологодской, Архангельской, Кировской областях в течение последних двадцати лет от четырех женщин 1930-х годов рождения. Не похороненные в соответствии с обычным ритуальным порядком погибшие воины не оставляют мысли и чувства вдов, скорбь которых тяжела вдвойне. Смыслы, которые не были артикулированы ритуалом, возникают в перформансе рассказывания. Коллективное рассказывание (во-первых, рассказчицы и сопереживающие слушательницы рассказывают свои истории впервые в момент событий; во-вторых, первичные рассказчицы, их дети и внуки повторяют истории про прошлое вот уже более 80 лет) восстанавливает жизненную ткань и несет такие «ориентирующие» понятия, как чрезмерная боль, скорбь вне ритуала, неотпускающее горе и связанная с ними опасность «нечистой силы».

Ключевые слова: нарратив, устная фольклорная проза, коммуникация, событие, опыт, переживание, коммуникативная память, мемораты, социальные рамки памяти, исторический контекст

Для цитирования: Веселова И.С. Мужья, просящие поминок, или «Мифические любовники»: о чем рассказывают вдовы после войны // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2023. Т. 6. № 3. С. 88–116. DOI: 10.28995/2658-5294-2023-6-3-88-116

Husbands asking for a memorial dinner,
or the “Mythical lovers” motif.
What do widows talk about after a war

Inna S. Veselova

*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;
non-profit organization “The Propp Centre for Humanities-based Research
in the Sphere of Traditional Culture”, Saint Petersburg, Russia, veselima@mail.ru*

Abstract. On the example of analysis of oral folklore stories of the “Mythical Lover” plot circle, we show how the historical reality enters human experience, how it is reflected in the composition of narratives and how then they are remembered and retold, creating a special remembering group. The material is ten stories of different genres of oral folklore prose – mythological stories about sexual contacts with spirits, a story about evocation of forest spirit, stories about dreams, recorded by folklorists of St. Petersburg State University in the Vologda, Arkhangelsk, Kirov regions during the last 20 years from four women born in the 1930s. Not buried in accordance with the usual funeral ritual, those who died in the war do not leave the thoughts and feelings of their widows. The grief of military widows is doubly heavy. Meanings that were not articulated by the ritual emerge in the performance of storytelling. Collective storytelling (firstly, storytellers and empathetic listeners tell their stories for the first time at the moment of events; secondly, primary storytellers, their children and grandchildren have been repeating stories about the past for more than 80 years) restores vital tissue and carries such “orienting” concepts, as excessive pain, grief outside the ritual, unrelenting grief and the danger of “evil spirits” associated with them.

Keywords: folk narrative, event, experience, communicative memory, memorate, social framework of memory, historical context

For citation: Veselova, I.S. (2023), “Husbands asking for a memorial dinner, or the ‘Mythical lovers’ motif. What do widows talk about after a war”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 6, no. 3, pp. 88–116, DOI: 10.28995/2658-5294-2023-6-3-88-116

В статье на примере устных фольклорных рассказов круга сюжета «Мифический любовник»¹ я хочу показать, как историчес-

¹ В общих указателях сюжетов мифологических рассказов сюжеты интересующих нас нарративов попадают в разделы «Покойник» или «Змей». В.П. Зиновьев относит их к разделу Г III «Покойник» (*Зиновьев В.П. Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин // Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост.*

кие события (начало Великой Отечественной войны и последовавшая мобилизация) проживаются в личном опыте, как они отражаются в мемуаратах, а потом вспоминаются и пересказываются, создавая особый вспоминаящий коллектив. Материалом для анализа стали десять нарративов разных жанров устной фольклорной прозы: мифологические рассказы о сексуальных контактах с «нечистыми», история о вызывании лешачихи, рассказы о снах, записанные фольклористами СПбГУ в Вологодской, Архангельской, Кировской областях в течение последних двадцати лет от четырех женщин 1930-х годов рождения. Записи хранятся в Фольклорном архиве Санкт-Петербургского государственного университета (далее – ФА СПбГУ) и в Электронном архиве «Российская повседневность» АНО «Пропповский центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры»² (далее – ЭА РП). Материал был получен в результате длительных и неоднократных интервью с рассказчицами, в репертуар которых входят, помимо прозаических, разнообразные фольклорные жанры (лирические песни, частушки, описания лечебных ритуалов и др.). Все наши собеседницы провели детство и юность в деревне, испытав лишения, голод, тяжесть потери старших близких родственников, случившиеся во время Второй мировой войны. Каждая из женщин рассказала от одной до четырех историй, которые можно было бы отнести к различным типам сюжета «Мифический любовник/любовница». Рассказы даны в приложении к статье, и далее я буду ссылаться на соответствующий, указывая его в скобках. Основной корпус представляют первые пять историй, первая из них (см. прил., рассказ 1) послужила преамбулой к последовавшей

В.П. Зиновьев. Новосибирск: Наука, 1987. С. 318), С. Айвазян, О. Якимова – к типу III. 4. б «Змей (черт) летает к женщине: оплакивающей своего мужа или близкого ей человека» (Айвазян С., Якимова О. Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/ayvazan1.htm#14> [дата обращения 2 апр. 2023]). Специально посвященный сюжету «Мифический любовник» указатель Н.К. Козловой учитывает следующие подтипы, к которым можно отнести наши рассказы: А.IY.3.1. Неминуемая гибель, Б.II.2.11. Сила защитного средства (мемуараты), С.2.5. Вдовы и мертвые мужья (одна убегает – вторая гибнет), С.2.5. Вдовы и мертвые мужья (благополучный конец) (Козлова Н.К. Восточнославянские былички о змее и змеях: Мифический любовник: Указатель сюжетов и тексты. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/kozlova1.htm> [дата обращения 2 апр. 2023]).

² Российская повседневность: электронный архив. URL: <https://daytodaydata.ru> (дата обращения 26 июня 2023).

череду рассказов в рамках одного разговора (см. прил., рассказы 2, 3, 4, 5) о «мифических любовниках». Второй рассказ (см. прил.) – единственный в этой подборке нарратив о вызывании для забавы лешачихи молодым рыбаком из артели, промышлявшей на далеких озерах. Сексуального контакта с явившейся лесной девой не происходит, а старшие рыбаки требуют у вызывавшего апотропейных действий³. Несмотря на то что рассказ повествует не о «мифическом любовнике», а об угрозе, которую влечет за собой встреча с «мифической любовницей» из-за праздного любопытства, именно он задает тон разговору. Рассказы 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11 (см. прил.) содержат описания сексуальных контактов с «мифическими любовниками» в образе погибших или умерших мужей⁴. Рассказ 9

³ В д. Сояна, где был записан этот рассказ, истории о встречах мужчин на промыслах с «лесными девами» фиксировались за три года работы всего пару раз, но упоминания об этих встречах в интервью попадаются гораздо чаще. Мужчины, рыбаки и охотники подтверждали, что слышали от старших товарищей истории о явлении лесных дев в охотничьих избушках. В 2022 г. День деревни, который отмечается во второе воскресенье июля и совпадает с Днем рыбака (народный праздник спонсируется местным рыболовческим колхозом), сопровождался костюмированным шествием по деревне. Возглавляла шествие Лесная дева Елисава – девушка с распущенными волосами в зеленом платье с глухарем в руках (местное название глухарей – чухарі, локальное прозвище жителей Сояны). Инициатива сделать Елисаву «брендом» деревни принадлежит заведующей Домом культуры, которая слышала о Елисаве от мужа.

⁴ Строго говоря, наши рассказы не совпадают ни с одним из описываемых сюжетов, но близки к ним. Рассказы 5, 8, 11 (см. прил.) больше всего похожи на тип *А.ІУ.3.1. Неминцующая гибель (тоскует – сохнет – умирает)*: «Девушка (женщина) тоскует о парне (муже), умершем (ушедшем на войну, в армию, уехавшем, бросившем ее). Мифическое существо в образе парня (мужа) начинает посещать ее, вступает с ней в любовные отношения. <...> Женщина скрывает свою связь (иногда, наоборот, рассказывает). Родные, близкие <...> пытаются принять меры – безрезультатно. Женщина сохнет (чахнет, желтеет, болеет) и умирает» (*Козлова Н.К. Указ. соч.*). Рассказы 3, 4, 6, 10 (см. прил.) похожи на тип *Б.ІІ.2.11. Сила защитного средства (мемораты)*: «Поздняя версия, производная от Б.ІІ.2.8. Героиня повествования – сама рассказчица. Любовных отношений поэтому нет. Мертвый муж приходит один-два раза. Женщина сразу же испытывает страх и применяет защитное средство (реже – обращается за советом). “Муж” больше не появляется» (*Козлова Н.К. Указ. соч.*). В наших рассказах любовные отношения есть, по форме рассказы представляют собой меморат в фабулате (см. об этой форме далее). Рассказы 3, 4 (см. прил.) также похожи на сюжет *С.2.5 Вдовы и мертвые мужья (одна*

(см. прил.) повествует о явлении духа-хранителя возвращающегося с войны живого мужа, и он следует после историй об «очень плохих», «нечистых» (см. прил., рассказы 7, 8).

Подробный указатель Н.К. Козловой распределяет подтипы сюжета «Мифический любовник»⁵ на две большие группы: А. Подчинение (29 сюжетов) и Б. Избавление (59 сюжетов). Исследовательница выявляет сюжетные типы на основе репрезентативного корпуса текстов из опубликованных источников и архивов. В первой группе, где женщина-жертва мифического любовника подчиняется его воле и гибнет, в четырнадцати сюжетах указано, что жертва – вдова, причем для двух сюжетов отмечается, что мужья погибли на войне; еще в двух сюжетах жертва – жена ушедшего на войну или в армию. Во второй группе из 59 сюжетов о благополучном избавлении от мифического любовника в сорока двух сообщается, что героиня рассказа – вдова, в шести особо оговаривается, что это вдовы ушедших на войну мужчин. Подробности о вдовстве женского персонажа в указателе упоминаются регулярно, но тип сюжета, как обычно в указателях мифологических рассказов, определяется по действию «мифического» персонажа.

Для рассмотрения нарративов в историческом и социальном контексте указание на вдовство героинь в пятидесяти шести сюжетах из восьмидесяти восьми, как мне представляется, очень важно. Остальные характеристики героинь в рамках данной работы не

убегает – вторая гибнет) тем, что героини рассказов – подруги: «Живут две вдовы (две подруги, две сестры, две снохи). Мужья умирают (погибают, уезжают). Однажды ночью мужья приходят. Мотивация может быть разной (ее может и не быть): незаклятая земля, тоска, желание увидеть и проч. Вдовы сажают их за стол. Падают ложка (или другой предмет). Одна из вдов (или ребенок) наклоняется и видит копыта и хвост у пришедших. Убегает за помощью. Когда возвращается – находит оставшуюся вдову растерзанной» (Козлова Н.К. Указ. соч.). Однако окончание рассказов 3 и 4 реализует сюжет С.2.6. *Вдовы и мертвые мужья (благополучный конец)*: «Действие развивается как в версии С.2.5 *Конец благополучный*: обе спасаются (Черти могут крикнуть: “А! догадались!”)» (Козлова Н.К. Указ. соч.). Рассказ 7 (см. прил.) ближе всего к типу А.В. *Добровольный отказ от женщины*: «Мифическое существо вступает с женщиной в любовные отношения. Она полностью в его власти, не сопротивляется, подчиняется. По истечении определенного срока (или когда надоедает) мифический любовник оставляет женщину сам» (Козлова Н.К. Указ. соч.). В указателе отсутствуют ссылки на реализации этого сюжета.

⁵ Сюжеты «Мифическая любовница» Н.К. Козловой не рассматриваются, хотя они регулярно встречаются в корпусах мифологических рассказов.

принципиальны, но психологически любопытны (часто упоминаются: тоска по умершим, уехавшим, покинувшим возлюбленным и стародевичество героини).

Моей основной собеседницей, с которой я провела более десяти интервью в 2019 и 2021 гг., была самая младшая из четырех рассказчиц – Тамара Гавриловна Зябишева, родившаяся в 1939 г. и до 2022 г. проживавшая в удаленной деревне Сояна Мезенского района Архангельской области. Тамара Гавриловна на момент беседы была самой старшей жительницей Сояны. От нее были записаны первые пять историй в нашей подборке. Всего Тамара Гавриловна рассказала нам с коллегами тридцать шесть так называемых мифологических рассказов – больше, чем кто-либо в Мезенском районе, судя по Мезенскому собранию мифологической прозы ФА СПбГУ. Рассказывание Тамары Гавриловны чаще всего представляет собой перформанс из цикла историй, соединенных единой темой: предопределенность судьбы и суженого, участие в жизни ангелов и небесных покровителей, сокрушение о разорении святынь, грусть об ушедших родственниках.

В одну из первых встреч в июле 2021 г. Тамара Гавриловна рассказала о гибели на Великой Отечественной войне отца и старшего брата. Отец умер в госпитале от пневмонии, полученной в окружении в болотах под Ленинградом, а брат пропал без вести. Мать осталась с пятью детьми от 2 до 14 лет на руках без старших мужчин в хозяйстве. Рассказы Тамары Гавриловны насыщены подробностями, часть из которых относится к ее собственной жизни, а часть заимствована из историй мамы и старших родственниц. Например, Тамара Гавриловна никак не могла присутствовать при обсуждении объявленной мобилизации в июне 1941 г. Сообщение было оглашено на собрании в правлении колхоза, и поначалу отец 1898 г. р. и его ровесники посчитали, что призыв их не затрагивает (в рассказе сохранилась реплика отца «Мы уже старые» (см. прил., рассказ 1)). Действительно, по приказам о мобилизации от июня 1941 г., на военную службу призывали мужчин с 1905 по 1918 г. р. Однако уже августовские приказы 1941 г. по отдельным округам отодвигали нижний предел до 1895 г. р. Сорокачетырехлетнего отца мобилизовали к концу лета. Согласно приказу, мобилизованные старшего возраста должны были привлекаться к работе в тылу. Судя по тому, что отец умер от воспаления легких, полученного в окружении на фронте, это правило не было соблюдено, или тыл и фронт слишком быстро меняли свои линии. По рассказам мамы, отец, уходя из дома, попросил жену не провожать его на улице, а присмотреть за ползающей двухлетней Тамарой: «Агнея, не выходи, говорит, караул девку-то – упадет с печки» (см. прил., рассказ 1). Этой реплики она тоже слышать не могла, но хранит ее

как память об особой заботливости отца – он думал о безопасности дочери и душевном состоянии жены, переключая ее внимание с проводов на заботу о ребенке. Вообще, отца Тамара Гавриловна не помнит: «Я только во снах его видела, во снах. Как будто едет верхом на лошади, черная шинель, черна... и одна нога. Вот, во снах видела, и больше не видала» (см. прил., рассказ 1).

Подробности, которые сохранила память Тамары Гавриловны, и образы ее переживаний по поводу гибели отца и брата свидетельствуют о том, что мама, бабушка и приходящие родственницы в разговорах часто вспоминали об объявлении мобилизации, о проводах на фронт, перечитывали письма и похоронки. Возникшая тема войны и переживания ее тягот нашла свое продолжение в беседе спустя несколько дней. Мы засиделись за чаем после очередного интервью, когда к Тамаре Гавриловне заглянула ее живущая по соседству младшая дочь Любовь Александровна. Она поинтересовалась, рассказала ли нам мама истории бабушки Агнии. О «бабушке Агнее» мы не раз слышали в деревне и от самой Тамары Гавриловны: она «правила» самые сложные случаи грыжи, ее часто вызывали на помощь по окрестным селам, и эффективность ее лечения признавали хирурги районной больницы.

Сложившаяся далее последовательность нарративов напрямую иллюстрировала концепции социальных рамок памяти Мориса Хальбвакса и коммуникативной памяти Яна и Алейды Ассман. Рассказы обращались к прошлому, но не к воспоминаниям о событиях из опыта самой рассказчицы, а к событиям жизни бабушки Агнии. Согласно М. Хальбваксу, память вписана в социальные рамки, а воспоминания обусловлены коммуникацией, т. е. формируются и закрепляются благодаря речевому общению с другими людьми: «...реконструировать в любой момент наше прошлое нам позволяет речь и вся солидарная с нею система социальных конвенций» [Хальбвакс 2007, с. 326]. В речи Тамары Гавриловны прошлое простиралось дальше, чем границы ее биографии, в ней сохранялась память о событиях предшествующего ее рождению прошлого. Она «вспоминала» то, свидетельницей чему не была. «Если воспоминания возникают вновь, значит общество в каждый момент располагает необходимыми средствами для их воспроизведения», – продолжает Хальбвакс, причисляя к таким средствам «рамку, образуемую понятиями, которые служат ориентирами», и «деятельность рассудка, исходящую из нынешних условий» [Хальбвакс 2007, с. 337]. На деле общество не может помнить или чувствовать вину или печаль, на это способны только индивиды. И только у последних есть возможность передавать свои чувства другим людям. Мать Тамары Гавриловны и ее подруги передали свои чувства и свой опыт дочери и внучке в форме мифологичес-

кого рассказа. Опыт оказывается востребованным в нынешних условиях, и память продлевает срок действия ориентирующих понятий, «упакованных» в воспоминания.

Дальнейшие рассуждения имеют целью разобраться, какие понятия передает коллективная память в форме мифологических рассказов о «мифических любовниках». Вспоминающий коллектив образовали женщины трех поколений:

- пережившие потерю мужей на войне вдовы: бабушка Агния, баба Анисья и баба Ирина. Последние – соседки и свойственницы бабушки Агнии, которая была родом с верховий Мезени, поэтому в Сояне, которая располагается в 180 км от ее родной деревни, круг ее общения образовали подруги и родственницы по мужу;
- дети этих женщин (в нашем случае это прежде всего дочь бабушки Агнии, т. е. сама Тамара Гавриловна, слышавшая эти истории из первых уст);
- внуки и внучки вдов, которые слышали эти истории от бабушек и от мам и которых в нашем перформансе представляла Любовь Александровна.

Из исследований Яна и Алейды Ассман известно, что коммуникативная память возникает в среде пространственной близости, регулярной интерактивности, сходного образа жизни и совместных воспоминаний [Ассман 2023]. В отличие от культурной памяти, коммуникативная память характеризуется неформальностью и неустойчивостью: «Горизонт коммуникативной памяти не превышает 80–100 лет, срок жизни трех поколений, а значит, эта память воплощена в тех, кто выступает ее носителями и находит для нее новые употребления» [Assmann, Czaplicka 1995, p. 126]. Горизонт в три поколения отсчитывается и для переживаний последствий социальных катастроф. А. Эткинд применяет эту концепцию в книге «Кривое горе: память о непогребенных», посвященной переживанию массовой гибели людей в России XX века, ставших жертвами революций, гражданской войны, репрессий и Второй мировой войны. Многие из погибших в результате насилия и измождения были похоронены или оставлены в местах, которые неизвестны их близким. Неизвестны родственникам и обстоятельства смерти жертв. А. Эткинд так описывает поколенческую преемственность переживаний массовой гибели:

Мертвые травмы не знают, ее переживают выжившие. Исторические процессы катастрофического масштаба наносят травму первому поколению потомков. Их сыновья и дочери – внуки жертв, преступников и свидетелей – испытывают уже не травму, а горе по своим дедам

и бабкам. Моя трехступенчатая схема обманчиво проста. Поколению террора достаются массовые захоронения, первому поколению после катастрофы – травма, а второму и последующим – горе [Эткинд 2018, с. 13].

Именно эту конструкцию памяти мы получили в услышанном перформансе: вдовы ушедших на войну и репрессированных мужчин переживают сами события и скорбь, их дети испытывают травму, а внуки переживают горе. Внучка погибшего на войне и неизвестно где погребенного деда просит рассказать истории. Сама Тамара Гавриловна подступает к теме очень постепенно. Она рассказывает две истории о лешачихах, о свадьбе лесных духов шалыган, и лишь потом поддается уговорам дочки.

Тамара Гавриловна почти дословно воспроизводит голоса женщин, участниц событий. Она действительно их очень хорошо помнит.

Вот я как щас помню. Ну да, пришла. Сидит у стола. Скамейка была ведь, впереди-то. Она говорит:

– Свагья, ничего не знашь? – маму-то нашу-то.

Она говорит:

– Чего?

– Ко мне, – говорит, – сегодня Саша приходил (см. прил., рассказ 5)⁶.

У двух героинь рассказов (бабы Агinei и сватгьи Ириньи) мужья ушли на войну и погибли, у третьей, бабы Анисьи, муж «был угнан»: «...во время-то войны забирали ведь людей ни в чём невинных, в тюрьму-то» (см. прил., рассказ 4). Вдовы делились друг с другом своими впечатлениями от ночных посещений «мужьями». Описания ласк точно передавали тактильные ощущения женщин: их обнимали со спины («идёт, дверь открывает и ложится к ней ко спины. Ну и вот ложится и обнимает» (см. прил., рассказ 3), брали за руку («он взял её руку, её руку взял»; см. прил., рассказ 4) и с ними спали («“Ты с ним спала что ли?” – наша мама-то напрямую говорит-то. Она говорит: “Спала”. С дьяволом»; см. прил., рассказ 5). По тактильным же ощущениям Агinei и Анисьи распознали в ночных пришельцах не-мужей: «Я взяла

⁶ Аналогичным образом разворачивается история и у других рассказчиц: «А она вот подумала, а то, как будто мать пришла, и говорит: “Мам, знаешь чего, он все время ко мне ходит” » (см. прил., рассказ 6); «Она, говорит, как у ума сходить стала: “Слышь, мужик ведь живет у меня, со мной живет, – говорит, – сходится со мной, спит и все”, – всем стала рассказывать, вот он ее удушил» (см. прил., рассказ 11).

руку потрогала его. У него кости нету, костей нету, только одна мякоть» (см. прил., рассказ 3). Агня и Анисья пережили ночные посещения «нечистыми» в образе мужей более-менее благополучно, а Ирinya наложила на себя руки. Тамара Гавриловна излагает события, активно цитируя речь испытавших визиты женщин. Она использует маркер цитации речи «первичного рассказчика» в виде вводного слова «говорит». Разбирая подобную множественность голосов, которые сохраняются в перформансе устного рассказывания, мы с А.В. Степановым предположили, что особую роль в складывании нарратива играют именно «первые рассказы», когда участники сверхъестественных встреч впервые сообщают о случившемся. «“Первые рассказы” – это <...> рассказы конфиденциальные. Первая реплика адресована confidentу, выбранному перцепиентом метафизического опыта, первоначальным рассказчиком – человеку близкому ему и зачастую включенному в контекст события» [Веселова, Степанов 2019, с. 19]. Судя по рассказам Тамары Гавриловны, женщины, пережившие встречи с «мифическими любовниками», выбирали в качестве собеседниц-конфиденток тех, кто имел сходный жизненный опыт. Еще не уверенные в определении своих впечатлений, они делились ими друг с другом в разговорах («Сватья, ничего не знаешь?»; см. прил., рассказ 5), зная, что все трое переживают тревогу за отправленных на войну или в тюрьму мужей и испытывают внезапно обрушившееся на них одиночество.

В фольклористике сложилось различие в «мифологической» прозе меморатов, рассказов от 1-го лица, и фабулатов – рассказов в 3-м лице. В своих рассказах («фабулатах» из чужого опыта, но с преобладающими формами 1-го лица и вводными маркерами «говорит») Тамара Гавриловна цитирует заряженные эмоциями и суждениями мемораты (рассказы из собственного опыта и от 1-го лица) мамы и ее товарок по несчастью. В.А. Черванева называет формы сохранения 1-го лица в фабулатах «двойным 1-м лицом» и замечает, что предикаты, употребляемые в этой форме, относятся к глаголам, обозначающим физические действия, физическое восприятие (зрительное, слуховое, тактильное), ментальные действия, речевые действия, эмоциональное состояние, физическое состояние (прежде всего сна и бодрствования). Исследовательница делает важный для нас вывод, что «источник информации (первичный рассказчик в нашей терминологии. – И. В.) – активный персонаж, который видит, слышит, чувствует, интерпретирует, оказывается представлен формами, актуальными для такого субъекта» [Черванева 2019, с. 49]. Таким образом, рассказы со слов первичных рассказчиц, изложенные «двойным 1-м лицом», отдают должное опыту участниц и героинь событий, их праву

на эмоции, впечатления, интерпретации и выборы. Этот специфический навык цитации сохраняется преимущественно при устной форме передачи воспоминаний. Вероятно, устное рассказывание вообще более чутко к звучанию речи, ее интонациям и формулировкам, поэтому оно сохраняет суждения и интерпретации «первичного» говорящего в форме 1-го лица.

Героини, чьи рассказы о встречах со сверхъестественным цитировались в услышанных рассказах, проявили свою агентность в поведении и субъектность в нарративе. Они рассказывали о своих состояниях подругам, способным их понять, искали имена своим впечатлениям и ощущениям, оценивали их и тем самым возвращали контроль над беспрецедентной по критичности ситуацией. Социолог А. Шюц называл ситуацию, которая «не может быть соотнесена с помощью синтеза узнавания с имевшимися ранее в нашем опыте типичными ситуациями, потому что она радикально нова», «темой» или «проблемой, требующей практического, теоретического или эмоционального решения» [Шюц 2008, с. 79–80]. Ситуация, о которой идет речь в данных рассказах, была для попавших в нее женщин критической в нескольких степенях. В смертельной тревоге за ушедшего на войну мужа фокусируются бедствия разных уровней – на фоне общей катастрофы войны (а) разворачивается семейная драма (b) выживания одинокой матери и хозяйки в обезлюдевшей без взрослых и сильных мужчин деревне (с). Ко всему этому добавляется эмоциональный фон – одинокие ночи без привычных ласк (d). Подобные сильные, предельные по напряженности переживания психолог Ф.Е. Василюк называл «разрывами жизни»:

Если бы требовалось одним словом определить характер критической ситуации, следовало бы сказать, что это ситуация невозможности. Невозможности чего? Невозможности жить, реализовывать внутренние необходимости своей жизни. Борьба против этой невозможности за создание ситуации возможности реализации жизненных необходимостей и есть переживание. Переживание – это преодоление некоторого «разрыва» жизни, это некая восстановительная работа, как бы перпендикулярная линии реализации жизни [Василюк 1984, с. 25].

Женщины, рассказывая, преодолевают тяжелые жизненные ситуации (войны, разлуки, отсутствия вестей о близких и их утраты), нанизывают на слышанные ранее истории о ночных явлениях демонов собственные ощущения и согласуют свои эмоциональные миры и оценки. Рассказывание есть работа переживания и восстановления жизнеспособности для первичных рассказчиков. Женщины 1930-х годов рождения, которых мы записывали в экспе-

дициях, знали о событиях ласк со сверхъестественными силами в образах мужей от старших родственниц и соседок. Они сохранили в памяти болезненные и страшные детали. Они, дети погибших, проговаривали травмы утраты и боязни матерей, чтобы «все знать» («Ой. Не хочу говорить. <...> Видишь, сколько я тебе всего наговорила. Вот запомни. А мало ли... так говори молись <...>. До трёх раз. И бояться не будешь. <...> Надо всё знать», – заканчивает череду историй Тамара Гавриловна; см. прил., рассказ 5). Поколение внуков/внучек знает, благодаря бабушкам, о травме и боли без посредников. Они находятся уже на безопасной временной и эмоциональной дистанции от событий. Для третьего поколения обращение к прошлому уже не травматично, но все еще ценно, и они просят своих матерей повторять эти рассказы («Ну всё равно это в жизни всё жизненно», – последняя реплика разговора о явлении принадлежит внучке; см. прил., рассказ 5).

Талант рассказчицы и чуткая память Тамары Гавриловны сохраняют в услышанном от мамы рассказе больше деталей, чем в историях маминых товаров. В рассказе бабушки Агнии (см. прил., рассказ 3) названо место явления (ночной пришелец приходит к лежащей на полу с детьми Агнее со стороны кухни), передана его речь («Давай, – говорит, – Агния, вставай готовь еду, я йисть хочу»), указаны события семейной жизни (муж уже умер, но похоронка еще не пришла). В рассказе Тамары Гавриловны от рассказа мамы остается и необычное двуплановое толкование ночного явления – демоническое по природе, оно сообщает о реальной судьбе мужа. Ночной пришелец ласкает как муж и просит еды как муж, но женщина удерживает мысль, что это впечатление не может быть реальным: «У меня муж на войну ушёл. У меня нету мужа. Муж на войну ушёл». В рассказе чередуются переживания о муже, ушедшем на войну, сообщение о тактильных и акустических ощущениях и «правильная», с точки зрения «магического этикета», реакция на них (проговаривание защитной молитвы и изгнание видения: «Иди от меня!», «Не мути бесом»). Тревога вкупе с тактильными ощущениями дает уникальное для сюжета о «мифических любовниках» суждение: явление сообщает о смерти мужа и его просьбе о поминках («Он поминок просил»).

Тема поминок по погибшим на войне не встречается ни в других рассказах прилагаемого к статье корпуса, ни в описаниях сюжетных подтипов в указателе Козловой. Этот вывод – индивидуальное суждение бабушки Агнии, но оно проговаривает пресуппозицию, которая неизменно звучит в рассказах о погибших и пропавших без вести (на войне или в результате несчастного случая), которые мы записываем в Пинежском, Мезенском и Лешуконском районах. Посмертное существование погибшего и не получившего

должного похоронного ритуала описывается частотным фразеологизмом, морфологически построенном на соединении глагола прошедшего времени совершенного вида и глагола настоящего времени несовершенного вида с наречием настоящего времени: «воевал, и теперь воюет», «ушел и до сих пор ходит»⁷. Тамара Гавриловна говорит так: «Он пошёл, дверями хлопнул, только зашумел, как ветер, и *ушёл. Теперь ходит*».

Дальнейшие расспросы привели меня, Любовь Александровну и Тамару Гавриловну к выводу, что бабушка Агния не справляла поминок по мужу (чему было дано рациональное объяснение: «Плохо жили, дак ведь не было ничего ведь...»). Тамара Гавриловна и ее дочь не помнят точную дату, указанную в похоронке, но «в июле или в августе» (не 9 мая) они носят цветы для отца/деда к памятнику погибшим на войне в центре села. Обычных поминок по погибшим, которые не похоронены в деревне, не справить: могилы нет, а зерно у памятника не посыпешь, «смолкой» не покадишь⁸.

В рассказах вдов, которые после погружения в исторический контекст сложно называть сюжетами о «мифических любовниках», звучит признание в слабости, сопровождающей критические ситуации. Ситуации, которые они не в силах изменить и в которых они не виноваты (в имеющихся у нас рассказах о явлении «нечистых» вдовам не упоминаются мотивы с нарушением каких-либо магических правил, в отличие от рассказов о вызванной из любопытства лешачихи). Слабость эта действительно на грани выживания, так как в рассказах часто описываются немощь («она

⁷ Подробнее о формуле гибели без похорон см. доклад Л.Ф. Петровой «...И теперь ходит»: Замены и умолчания в рассказах о пропавших и погибших» на Декабрьских чтениях памяти Н.М. Герасимовой «Молчание, умалчивание и сокрытие: коммуникативные пределы» 6 декабря 2022 г. (Декабрьские чтения памяти Н.М. Герасимовой. 2022). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9FFH0H7q7DQ> (дата обращения 20 апр. 2023).

⁸ Каждение на могиле при посещении в день личной памяти или общие поминальные дни – один из элементов поминальной обрядности на Мезени. Кадят листовничной серой, которую помещают или в бережно хранимых старых «кадилках», или на обычный железный совок, или в старинный угольный утюг. Окуривают могилу, трижды обходя ее по часовой стрелке (сохранившаяся исподволь старообрядческая привычка). На Мезени бытует поговорка «На том свете угольками сочтемся» – благодарности и репутации считаются по частоте и длительности каждений на могиле, а соответственно, по количеству истраченных при каждении угольков.

стала плохо себя чувствовать, слабость чувствовать»; см. прил., рассказ 5); болезненные физиологические проявления («он ее всю чисто уж измял» так, что одной из вдов отказали от места технички в школе по соображениям гигиены; см. прил., рассказ 8); лишения (вдове репрессированного как «одноличнице» в колхозе не давали пайка, а от работы отказали; см. прил., рассказ 8); ментальная неустойчивость («как с ума сходить стала»; см. прил., рассказ 11). В восьми рассказах о «мифических любовниках» пятеро вдов выживают (две самостоятельно, две с чужой помощью – матери и «знающего» старика, а одной нечистый сам отказывает в ласках), трое погибают. Конечно, речь не идет о переносе статистики из рассказов на социальную реальность, но тяжесть переживаний рассказы, несомненно, передают.

В работе «Социальная драма в бразильской Умбанде» антрополог Виктор Тэрнер говорит о способности социальных драм вызывать своего рода нарративные цунами. «Я говорю об этой “порождающей” способности спонтанных серий ярких взаимосвязанных событий, поскольку опыт полевой работы показал мне, что “смысл” – это не только ретроспективно вынесенное суждение, а нечто экзистенциально исходящее из хитросплетения людей, вовлеченных в основные проблемы главных действующих лиц, которые именуются “диспозициями” или жизненными ситуациями»⁹ [Turner 1987, p. 33].

В практике рассказывания, как мы показали, важны «хитросплетения людей», которые вовлечены в «могущественные социальные процессы». Люди рассказывают истории не для того, чтобы передавать «былички и поверья, в которых так или иначе присутствует мотив “Мифическое существо вступает (пытается вступить) в любовные отношения с девушкой (женщиной)”» (Козлова Н.К. Указ. соч.) и тем самым повествовать о странных «любовных отношениях». Рассказывая о ночных явлениях отсутствующих, ушедших на войну, репрессированных, погибших возлюбленных и мужей, женщины говорят о тяжести ситуации, в которую они попали, о глубине своих переживаний, об эмоциях и о скорби, которая оказалась вне привычного похоронного ритуала. Не похороненные в соответствии с обычным ритуальным порядком погибшие не оставляют мысли и чувства вдов, и лишь рассказывание может принести облегчение женщинам, чьи мужья погибли, но не были погребены. Скорь вдов тяжела вдвойне. Смыслы, которые не были артикулированы ритуалом, возникают в перформансе рассказывания. Коллективное рассказывание (во-первых, рассказчицы и сопереживающие слушательницы рассказывают

⁹ Перевод цитаты И.С. Веселовой, Л.Ф. Петровой.

свои истории впервые в момент событий; во-вторых, первичные рассказчицы, их дети и внуки повторяют истории про прошлое (вот уже более 80 лет) восстанавливает жизненную ткань и несет такие «ориентирующие» понятия, как чрезмерная боль, скорбь вне ритуала, неотпускающее горе и связанная с ними опасность «нечистой силы». Итак, повторю: рассказывание есть работа переживания и восстановления жизнеспособности для первичных рассказчиков. Дочери этих рассказчиц, женщины 1930-х годов рождения, которых мы записывали в экспедициях, знали о ласках со сверхъестественными силами в образах мужей от старших родственников и соседок. Они сохранили в памяти болезненные и страшные детали, чтобы «все знать». Поколение внуков/внучек знает, благодаря бабушкам, о травме и боли без посредников. Для третьего поколения обращение к прошлому уже не травматично, но все еще ценно, и они просят своих матерей повторять эти рассказы.

Приложение

Мифологические рассказы сюжетов «мифический любовник/любовница» и их речевой контекст

В качестве атрибуций рассказов указываются «жизненные ситуации», которые они описывают¹⁰.

*Тамара Гавриловна Зябишева (1939 г. р., уроженка д. Сояна
Мезенского района Архангельской области)*

Рассказ 1 (преамбула)¹¹

I.C.1.a. Военная служба, мобилизация

I.C.1.d. Гибель отца и брата на войне

¹⁰ Индексы отсылают к индексам жизненных ситуаций в издании: Устная фольклорная проза: Архангельская и вологодские коллекции / Сост. И.С. Веселова, А.В. Степанов, С.И. Жаворонок, К.А. Онипко (в печати). Об издании см. лекцию И.С. Веселовой «Каталог жизненных трудностей русского человека», семинар «Языки психиатрии» (ОЛ#75 Каталог жизненных трудностей русского человека. 2022. URL: <https://youtu.be/HDDEk9GUzII> [дата обращения 20 апр. 2023]).

¹¹ DTxt21-015_Arch-Mez_21-07-10_Z'abishevaTG. Зап. в д. Сояна Мезенского района Архангельской области от Тамары Гавриловны Зябишевой (1939 г. р., уроженка д. Сояна) 10 июля 2021 г., соб.: И.С. Веселова, А.Ю. Коркина.

Да вот... во.. война стубила.

<Он на войну ушёл, да?>

На войну. Я осталася маленька. Ишо титьку че... сосала мамы.

<А, да, совсем...?>

Она говорит: «Я на печке выдержала тебя, вот отец-то пошел..., их повезли в Мезень». Он, грит, не, говорит им..., Агнеей звали-то: «Агня, не выходи, говорит, карауль девку-то – упадёт с печки». Она, говорит, я заревела... и вот ушёл он, и всё, больше не видала. Он где-то в Ленинградском этом госпитале погиб, помер-то. Они де-то в болоте попали в окружение или что ли, трое суток стояли в болоте, прозябли. И вот воспаление легких получил и помер. Не пришёл... А другой сын, старший-то сын, был. Егорушко-то звали. Не знаю, где... тоже. Так, без вести пропавший, неизвестно, где он.

<Это дядя, да?>

Мой брат.

<А это он какого года-то? Вы ж тридцать девятого.>

Ну, так эти... я, я-то последняя была. А он-то двадцать четвертого году.

<Понятно, и он в призыв попал, да?>

Да, да, да. На войну, угнали на войну. Там погиб, не знаю, где. Я помню последнее письмо читала от него. Так написано немного, лист... страничка така... немного написано на листике. Красными чернилами... не знаю, чернилами, чем ли он писал, не знаю. Он и говорит... сейчас идем. В окружение попали... же. Сейчас идём на передовую, сейчас на глазах унесло моего лучшего друга, на глазах унесло, говорит. А сейчас идём на передовую, и всё. Столько и слов..., берегите себя.

<То есть и папа, и брат, да?>

А я его звала татой, раньше ведь татами звали-то.

<Папу, да?>

Мама грит, а ещё ты его татой звала. Маленька дак, че, ползаю, и он.

– Тато, тато.

Он придёт и на руки возьмет тебя вот. Не ходила ещё, ползала. Ой, ладно, всё прошло. Я только во снях его видала, во снях. Как будто едет верхом на лошади, черная шинель, черна... и одна нога. Вот, во снях видала, и больше не видала. Не знаю-ить.

<Как мама справилась вас растить?>

Как-то растила, работала она и... то на ферме работала сторожем, ферму надо было-то дежурить. Дежурным работала, и на в РОКОО-Пе работала уборщицей, всё полы мыла, да всё. Печку топили.

<То есть у неё профессии не было, да? А папа кем был, когда...?>

А он, отец-то работал в колхозе... заместителем. В колхозе раньше-то был председатель и заместитель. А он ишо, когда их собрали всех это... в читальне-то... Собрали, дак говорит, а, меня, а нас не возьмут, мужики, грит, в армию, говорит:

– Мы уже старые, мы не уже не подходим.

«Не подходим». Тут же забрали.
 <А сколько лет ему было?>
 Я не знаю, сколько... сорок четыре.
 <...>
 <А сколько вас было у мамы? Вот как папа погиб, сколько детей было?>
 Детей-то у нас... Егорушка, Таня, Саша, Митя, Оленька, я.

Рассказ 2¹²

II.A.4. Ночевка в лесной избушке

IV.4.b. Общение со сверхъестественными силами: праздное любопытство

<Заходит Любовь Александровна Пичугина (дочь Тамары Гавриловны Зябишевой). Представляется.>

<...>

Т.Г.: В общем, тут-то ведь это, она, купаться пошли на речку они, пришли на речку, а там камень у их на берегу, камень большой, сидит бабушка и волосы хлопает, волосы хлопает. И потом они чего? Посмотрели на неё, закричали, и она – бух в воду – уплыла. Это русалка. Вот и говорят, что русалок нету, русалки есть. А ты ещё про кого говорила? Про озеро?

Л.А.: Да, тоже они видели, тоже видели старушку на камне там какую-то.

Т.Г.: А тут-то не щука случайно была какая-то?

Л.А.: Не знаю. Давай рассказывай про бабу Агнью.

Т.Г.: Это мужики рассказывали.

<...>

Л.А.: Они волосы так сушат.

Т.Г.: Так увернулась и перевернулась, и пошла. Это щука большая была, но она подводная какая-то, говорят. Это знаешь, кто рассказывал? Пётр, Пётр этот, ой, как же... Николая-то Ефимовича дедушка рассказывал. Пришли мужики и это смотрят, в избушку сели и говорят: «Эх. У нас женщин нету, так приходи к нам хоть лешачиха», – сказали. Ну и вот. Она чего?

Л.А.: Пришла.

¹² Рассказы 2, 3, 4, 5 записаны в ходе одного интервью. Зап. в д. Сояна Мезенского района Архангельской области от Тамары Гавриловны Зябишевой (1939 г. р., уроженка д. Сояна), Любови Александровны Пичугиной (1969 г. р., уроженка д. Сояна) 14 июля 2021 г., соб.: И.С. Веселова, А.Р. Гольник.

Т.Г.: Заткнули про... раньше в избушках были продухи¹³, продухи. Она потом пришла... А это, призвал-то Иван Яковлевич, Иван-то Яковлевич, Павлы Афанасьевны муж. Вот она взяла и вытолкнула эту, как её, колодку-то, вытолкнула и говорит:

– Раз звал, дак я пришла.

Ну он и говорит:

– Мы не такую звали, мы настоящую звали.

Ну вот закрыли. Она опять снова вытолкнула, вытолкнула. Они вышли, а мужики-то и говорят:

– Вот пойдй теперь Иван, уговаривай её, так-то ты её звал.

Он вышел, взял, за это... ружьё, зарядил патрон солью, ну там порох и соль. И выстрелил, в неё выстрелил, она пошла, да только лес зашумел. Ушла. Это нечистая сила.

Рассказ 3

I.C.1. Война

I.C.1.d. Гибель мужа на войне

Л.А.: Про бабу Агнею расскажи.

Т.Г.: Мама всё это... лежала на полу. Раньше ведь на полу все спали.

Любили спать.

Л.А.: Война была.

Т.Г.: Лежала, говорит, а отец-то на войне был. Он ещё живой ещё был, похоронной не было. Она слышит, что идёт человек из комнаты из кухни, идёт, дверь открывает и ложится к ней ко спины. Ну и вот ложится и обнимает.

– Давай, – говорит, – Агнея, вставай готовь еду, я йисть хочу.

А он, оказывается, в это время умер, он поминок просил. А откуда она знала? Ну ладно. Она и говорит:

– Иди от меня! У меня муж на войну ушёл. У меня нету мужа. Муж на войну ушёл.

Он:

– Да вставай, ведь я пришёл!

И её обнимать стал за спину-то. Обнимает. Она говорит: «Я взяла руку потрогала его. У него кости нету, костей нету, только одна мякоть».

Она и говорит:

– Иди, – говорит, – и не муди бесом.

Она встала, проговорила молитву:

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

¹³ *Продухи* – вентиляционные окошки, закрывающиеся затычками (колодками), что-то вроде волоковых окон.

До трёх раз. Он пошёл, дверями хлопнул, только зашумел, как ветер, и ушёл. Теперь ходит. А на самом деле, вишь, он йисть хотел. Он помер. Он поминок просил. Вот как.

<А бабушка, ну вот мама, она потом поминки-то справила как-то?>

Т.Г.: Не, дак, наверное, не сделала. Когда узнала, что похоронка пришла, дак, похоронка-то пришла ведь.

<То есть по тем, которые умерли на войне, поминок и не было?>

Т.Г.: Не поняла.

<А им поминок не делали?>

Т.Г.: Нет.

<Нет?>

Т.Г.: Наверное, нет, я не знаю, я ведь не знаю.

Л.А.: Плохо жили, дак ведь не было ничего ведь...

Т.Г.: Чего... Просто похоронка пришла, а там ведь не указано было. А потом, потом-то узнали после, когда он умер-то. Он которого умер-то, Люба?

Л.А.: Ой я не знаю, что мы где-то его в июле или в августе ходим, цветы-то носим.

Т.Г.: Там ведь написано.

Л.А.: Написано, да, только я не помню уже.

<А куда цветы носите?>

Л.А.: А мы раньше в детстве да все к памятнику носили.

Т.Г.: Он-то умер от воспаления лёгких.

Л.А.: А про бабушку Полю?

<Ну у меня еще мурашки от предыдущей не прошли.>

Л.А.: Мы вот на этом росли.

<Ну просто... ну действительно, во-первых, она, ну когда муж на войне, понятно, что всё время ну в страхе за него.>

Л.А.: Да. А тут-то нечистая сила ходила, очень много приходила, что некоторые жёны даже руки на себя наложили, что они ходили ночью не спали, а днём вот такие вялые ходили, болели, заболели.

<Подготовка чая.>

<Это Агнея рассказывала?>

Л.А.: Да, бабушка Агнея.

<Да, да, понятно, что если у всех в деревне ушли на войну мужья.>

Т.Г.: А нет тут-то, она говорит, пошёл, хлопнул дверью сильно. И она говорит, я глянула, а у него вместо сапогов-то – копыта. И говорит, он такой хлопнул дверью и сказал: «Хитра. Хитра, догадалась».

Рассказ 4

I.C.1. Война

I.C.1.d. Гибель мужа

I.C.2. Репрессии

Т.Г.: Баба Анисья-то рассказывала. Она сидела дома, сидела дома и вдруг, чего она, сидела дома, пришёл, у их была веранда тогда, он пришёл к окошку, Петя-то, Петей звали мужа, мужа-то, а раньше чего, во время-то войны забирали ведь людей ни в чём невинных, в тюрьму-то. <Пьют чай.>

Т.Г.: – Анисья, – говорит, – открой двери.

<Щас-щас. Кто говорит?>

Т.Г.: Он говорит:

– Я ведь Петя, – говорит, – пришёл. Открой!

Она говорит:

– У меня забрали его, его забрали. Нету его живого. Нету у меня, – говорит, – его.

Он говорит:

– Да я вернулся. Открой двери!

Она взглянула в окошко, в самом деле... стоит муж её. До слёз, до слёз даже <приступ кашля>. Ну и вот потом она вышла и говорит: он взял её руку, её руку взял, она его эдак прижала руку его, у него нету кости-то, мякоть одна толь... тоже. Она говорит:

– Иди бесом. Не мути. У меня, – говорит, – мужа нету. Муж угнан.

Вот. Он говорит:

– Да я ведь живой, – говорит. – Пришёл.

А потом она взяла и заговорила вот эту молитву-то заговорила.

Л.А.: Боже-Спаситель?

Т.Г.: Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. До трёх раз сказала, он пошёл, пошёл на зады так, только лес шумел, ветер, поднялся сильный ветер. Ушёл. Вот эту молитву-то надо всегда говорить. Я вот сама спать ложусь, я всегда говорю, никогда, чтоб я повалилася, да не проговорила, я проговорю – я спокойно сплю.

Рассказ 5

I.C.1. Война

I.C.1.d. Гибель мужа

Л.А.: Мама, а ты Расскажи про эту-то... Расскажи у Кати Горбуновой про мать-то Расскажи.

Т.Г.: Про кого?

Л.А.: У Кати Горбуновой про мать.

Т.Г.: Какую мать?

Л.А.: Которая повесилась-то. На болоте-то нашли. Повесилась на болоте-то.

Т.Г.: А Иринья-то?

Л.А.: Да-да-да-да-да.

Т.Г.: Так а чего про неё говорить?

Л.А.: Чё тётя Оля-то рассказывала?

<Чаепитие.>

Т.Г.: В общем, Иринья. Пришла к нам в гости.

Л.А.: Баба Агня, она сватья ей была.

Т.Г.: Вот я как шас помню. Ну да, пришла. Сидит у стола. Скамейка была ведь, впереди-то. Она говорит:

– Сватья, ничего не знашь? – маму-то нашу-то.

Она говорит:

– Чего?

– Ко мне, – говорит, – сегодня Саша приходил.

Л.А.: А у ней разве Саша был?

Т.Г.: Мужа.

Л.А.: А, да-да-да.

Т.Г.: Она говорит:

– Какой Саша? На войне погиб ведь.

– Нет, он приходил сегодня, ночью приходил.

Она говорит:

– Не смеши! Ты с ним спала что ли? – наша мама-то напрямую говорит-то. Она говорит:

– Спала.

С дьяволом. Ой. А назавтра...

Л.А.] Не назавтра!!! Не назавтра! Почему назавтра-то?! Она осталась, она стала плохо себя чувствовать, слабость чувствовать, она всё днём спала, а ночью-то это он к ней приходил.

Т.Г.: Ну ладно, потом она пошла в лес. За вениками... и повисла.

Л.А.: Повесилась, да.

Т.Г.: Задавилась.

Л.А.: Забрал, короче, он её.

Т.Г.: А видели, кто мышей-то видел? Мышей-то много бежало.

Л.А.: Всё, хватит.

Т.Г.: А?

Л.А.: Хватит больше. Не говори ничё.

Т.Г.: Когда ей нашли-то, мыши бежали. От неё. К людям-то. Ой. Не хочу говорить.

<Да, если вы такое внучкам рассказываете, им страшно.>

Л.А.: Да, вот этот мужчина к ней каждый день ходил, а он потом, баба Агня говорила, ходила и говорит:

– Что ли он ходит?

Она говорит:

– Да. Я не могу ему отказать. <нрзб.>

И потом она ушла в лес повесилась. Она говорит:

– Я уже работать не могу, у меня слабость.

Он, короче, пытался...

Т.Г.: Видишь, сколько я тебе всего наговорила. Опасайся ходить в лес тринадцатое июля. Не ходи в лес.

<Да, я теперь навсегда это запомню.>

Т.Г.: Вот запомни. А мало ли... так говори молись: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь». Вот так вот. «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь». Перекрестись.

<Хорошо. Я поняла.>

Т.Г.: До трёх раз. И бояться не будешь. Надо всё знать.

Л.А.: Ну всё равно это в жизни всё жизненно.

Нина Демидовна Николаева (1930 г. р., уроженка д. Осеки Барановского с/с Кадуйского района Вологодской области)

Рассказ 6¹⁴

I. А. 1. b. Смерть мужа.

<Мы слышали, что, когда покойник приходит, он задавить может?>

Это тоже, как вам сказать, легенда. Вот однажды бабушка, тетя Маша, рассказывала, что у одной муж умер, и она все ложится спать, и он все к ней ходит. Все ходит и обнимает ее, и это самое... А она вот подумала, а то, как будто мать пришла, и говорит:

– Мам, знаешь чего, он все время ко мне ходит.

Она говорит:

– Это не он ходит, это черт ходит!

И, это самое, черт, так черт... И надо, говорит, сделать так... И чего-то она сделала, и когда он пришел, и говорит:

– Ну, – говорит, – жалко, что ты догадалась, а сегодня бы тебе последняя ночь была бы!

<А так бы что он сделал?>

Задавил.

¹⁴ ФА СПбГУ, Кад19–35. Зап. в д. Тарасовской Барановского с/с Кадуйского района Вологодской области от Нины Демидовны Николаевой (1930 г. р., уроженка д. Осеки), 22 июля 2003 г., соб.: И.Ю. Борисова, Д.К. Туминас.

Валентина Васильевна Черепанова (1930 г. р., уроженка д. Рассохино Режского с/с Сямженского района Вологодской области)

Рассказ 7¹⁵

I.C.1. Муж на войне

I.C.1.e. Ожидание с войны

<А я вот слышал, что у каждого человека свой доброходушка?..>

Вот, вот ты ладно задаешь вопросы – ведь я чего тебе и говорю: у каждого... Вот я если поеду... У каждого свой.

<И у меня свой?>

И у тебя свой... Вот я если поеду... И у Юльки свой...

<И в городе есть?>

В городе – а как жё?! Он ведь, он всё тут, дорогой. <...> У каждого есть свой доброходушка хороший, и есть доброходушка худой.

<У каждого два, значит?>

Два. Вот вчера картины-те казали, дак... А я тебе, Андрей да Юлюшка, вот чего еще расскажу: у меня жила – у брата-то там будет теща <...>, ак к ей они ходили, знаете чего, Андрюша, а вот в войну-то было с 41-го до 45-го ходили старушки-те, ну, я не знаю, как назвать правильно – ты подсказывай: просили ее, чтоб она сказала, чтобы вот мой – вот пускай я примерно о себе скажу, что мой муж жив или нет в армии, или погибнул – долго ведь не было этого – извещения. Вот она одна придет, хорошая, вторая, вот как вы, как я тоже эдак, дббра, ей жалко, она стала знаться с нечистым. Понял?

<Да?>

Да. Вот уж, сыно, на себя крёт беру – с нечистым. А тут до чего, говорит, я, Валь, доходила: мне он отказал.

<Нечистый отказал?>

Да, отказал. А, еще вот расскажу: ак он скажет, он не так, что это, он, уж она видно зналася с им, дак она, я уж, Андрей, у меня пошто-то на его у меня, и топерь у меня мороз поэтому идет по спине эдак, как-то знаешь... А говорит, и это ходят, Андрюша, 12 когда пробьет, и с 12-ти до часу...

<Это к нечистому?>

¹⁵ Рассказы 7, 8 записаны подряд в ходе одного интервью. ФА СПбГУ, Сям19–93. Зап. в д. Рассохино Режского с/с Сямженского района Вологодской области от Валентины Васильевны Черепановой (1930 г. р.) 7 июля 2006 г., соб.: Ю.Ю. Мариничева, А.В. Степанов.

К нечистому, ты не думай, что когда...когда он скажет, что не тревожь меня, или не ходи – обожди... Она говорит – она это-то мне рассказала, так и я вам расскажу – а тут он сказал: не ходи – что всё: меня боле не тревожь. Вот.

<Так нечистый – это плохой доброходушка?>

Очень плохой он, очень плохой этот.

Рассказ 8

I.C.1. Муж на войне

I.C.1.e. Ожидание с войны

I.V.3. Болезнь знакомой

I.A.2. Смерть знакомой

Он ведь, милая моя, еще тебе расскажу, как этому <нрзб.> нечистая... У нас в Гридине – были ли, нет ли там? – Стариковы есть <...>, старые они: он с 26-го ли седьмого году, так вот у ее – у жены-то – матка-то была в школе (вот теперь школа-то разваливается) техничкой... Вот, Андрюша, ведь затеял ты меня... И вот, знаешь чего, она закрувила, заревела – а он в армии был – и стал этот ходить, милый мой, этот доброходушка нечистый.

<Вместо него?>

Вместо его: она ревела, жалела, и он стал – она может просила, ли что ли, вот, Андрей, дак не стану говорить, вот у его жена-то... До чего, никак, как эта ночь, как время – все крещеные улягутся, и поедут по дрова, по сено – раньше ведь всё на салазках были (мы-то звали те салазки чуньки) <...> Вот, а потом-то он стал, Андрюша, ложиться, и не стал и стесняться – к девкам, ведь раньше спали-то на постелях, постели были домотканые, и спали-то на полах, не было ведь коек-то – на полах, дитяtko, спали. Ак он стал в середине ложиться. Она была техничкой...

<В смысле – к дочерям ее что ли?>

Нет, к ей – а она ведь ложиться к девкам, что она, видно, боя... Ну, спали в общем – одна постыля, и две вот так... Андрюша, постелят на пол вот, постели ведь пó ряду вот... Ак этого – он стал ложиться ей, и он ее всю чисто уж измял: у нее стяка – а раньше не было этих-то, Андрюша, трусов-то не было никаких – ходили, жопа голая, всё голое... И купались, и я купалась еще с ребятами в реке вот, и в войну и после войны. У нас не было, Юля, штанов-то...

<И что вот – измял ее...>

Измял, и всё поползло: <...>, ак этого – она была техничка, так ее отка-зали, кабы трусы как может эти одеда, так бы – вот вчера мы с сосед-кой тоже разгова... – одеда бы, дак ведь всё-таки, ведь кормиться-то

надо ведь, а она как по-ра́ньшешным, она одноличница была. Мы-то вот в колхоз вошли, а она-то не входила, ее мужик да и она-то <...> Вот её сняли, она скоро умерла...

<Так я не понял – она что, забеременела что ли?>

Не забеременела, а он ее всю, видно, истолк ее – как уж по-женски, дак всю, всё повалилосе, всё повалилось. Юлька представляет, что женщина, так тут и кака повалилась и стьяка вся. Так это – ведь не лечили, как бы вот теперечи, дак.

<Так значит, она умерла, и он пропал?>

А он, он как вот, Андрияша, обожди: вот он сделал это дело, и девки те – он стал ходить – девки те стали замечать, и он стал злиться... Вот, Раиска-то, она ведь не расскажет про матку-то... Это когды – она мне троюродная сестра, вот я как знаю... Дак после-то он этот пошел из избы-то дак дверями-то, девки-те, а последняя-то у ей дочь, это Раиски-то сестра-то со мной в школу, Нина, с 31-го – вот, ровесницы, мы ходили вместе... Ак, говорит, пошел дак как схлопает дверями-те, да схлопает, дак думали, весь дом разворотится. А как взглянули, так, говорит, огонь у него изо рта-то. Вот, Андрияша, дай господи... Вот это нечистый и есть, Андрей, вот ты про нечистого-то. И вот я тебе еще рассказала, что просят. Это еще вот скажи ты мне чего, дак...

Рассказ 9

I.C.1. Муж на войне

I.C.1. Отец на войне

I.C.1.e. Ожидание с войны

Я про чистого тоже тебе расскажу: у меня отец вот был в армии, его ранили, вот мать-то сегодня встала (вот как бы я топереchi встала утром-то, ведь раньше-то вставали-то в 5 часов, не теперь, а на работу) да и этак говорит:

– Сегодня придет отец у меня из армии.

– А как?

А говорит:

– Он уж получился, отворяла ворота, – говорит, – я. И он... А отворила – нет никого.

И вечером пришел пешком. Вот – это чистой.

<То есть доброходушка раньше постучался?>

Да, да, да, Андрей.

Юлия Дмитриевна Булычева (1932 г. р., уроженка д. Ильмовцы, Мулинского с/с Нагорского района Кировской области)

Рассказ 10¹⁶

III. А. 4. а. Неуместная скорбь по покойному

II. В. З. h. Вдовство

<А вот когда прощаетесь [с покойным], что говорите?>

А чё прощаешься, ну: «Прости чё не так, дак не по твоему, дак прости. Дай бог тебе пухом землячка. Ты к нам не ходи, а мы к тебе придем», – вот и всё, это говоришь.

<А зачем это так говоришь? Что значит «ты к нам не ходи»?>

А бывает ведь вот, эдак не скажешь, дак он приходит вот и карзится. У нас одной карзилось вот бабе, до того докарзилось – он уже спать, к себе ее прижимать стал... И вот она чуть с ума не сошла, так лечили ее. Она потом говорит: «Я, – говорит, – чё? Только есть, – говорит, – собрала, и он, – говорит, – сказал: “Я сегодня, – говорит, – с тобой ночевать буду”, – сказал». Как вот она мужика схоронила – мужика-то ее задушили по пьянке, а больно редела по нём, вот и прикарзился, и вот он ходил он всё к ней. Вот она всё его как кормит, собирает – то блину испекет, то чё-нибудь всё кормит. И он как разговаривает с ней всё. Вот этот, видимо, телохранитель, вот телохранитель ихний разговаривал – ее мужиковый.

<Батамушка?>

Ну, телохранитель вот батаман. Вот она с им видимо и... Вот он: «Я, – говорит, – сегодня с тобой ночевать буду», – сказал. А она принесла, говорит, блины испекла, и под стол вот что заглянула – увидела, гыт, копыта, ноги-те, гыт, копыта. И, говорит, давай бежать в деревню. В деревню-то прибежала к старику к одному, и говорит:

– Ой, – говорит, – мне сегодня, – говорит, – мужик приснился, я, – говорит, – блины принесла кормить его, он сказал: «Я ночевать буду у тебя», – дак поглядела, – говорит, – на ноги-те – копыта, – говорит, – лохматые ноги.

– Ты чё, – говорит, – раньше-то не говорила, надо ведь тебя, – говорит, – лечить, ты ведь с ума сойдешь, – говорит, – он ведь тебя сведет с ума, – говорит, – он сейчас к тебе – ты, – говорит, – мене сказала, он, – говорит, – тебя будет стращать сейчас, на убийство, – говорит, – пойдет на тебя, стращать, – говорит, – будет.

¹⁶ Рассказы 10, 11 записаны в ходе одного интервью. ФА СПбГУ Нар19–4, ЭА РП, DTxt09-08_Kir-Nag_09-04-29_BulichevaUD. Зап. в с. Мулино Мулинского с/с Нагорского района Кировской области от Юлии Дмитриевны Булычевой (1932 г. р., уроженка д. Ильмовцы), 29 апреля 2009 г., соб.: А.В. Степанов.

И вот это старик вот ее и научил:

– Придешь, – говорит, – домой-то, так перекрестися три раза и скажи: моего, – говорит, – нет никого, я одна в доме, моего, – говорит, – хранителя оставляю, а чужих, – говорит, – всех выгоняю, – старик вот подсказал.

И больше, говорит, ни разу не приснился мужик во сне, и ниче, говорит, не приснилось. Тоже, видимо, сколько старик вот знал.

Рассказ 11

III. А. 4. а. Неуместная скорбь по покойному.

II. В. 3. h. Вдовство

А тут одна вот тоже вот этак же, так вот она сошла с ума и умерла – она уже видимо жила как с ним, с мужиком: он уже спал с ней всё, и вот она потом, видимо, кому-то сказала, и он ее задушил. Она, говорит, как у ума сходить стала: «Слышь, мужик ведь живет у меня, со мной живет, – говорит, – сходится со мной, спит и всё», – всем стала рассказывать, вот он ее удушил.

<Так вы ж говорите – он телохранитель, он хороший?>

Так хороший этот – мой, а вот будь твой бы – моего мужика, он бы может тоже мне, если бы мне раз-два прикарзилось, я бы стала рассказывать, он бы мог из-за... за него заступиться.

<За мужика?>

Да. И вон <нрзб.> заступиться бы, и вот он стал бы как мужик ходить ко мне. Вот и я вот хожу на могилку: «Ты к нам не ходи – оставайся здесь, а я к тебе приду», – всю дорогу этак говорю. Хоть к любому покойнику хожу – всегда этак говорю, прощаться, когда вот какая старушка умрет...

Литература

- Ассман 2023 – *Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 328 с.
- Василюк 1984 – *Василюк Ф.Е.* Психология переживания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200 с.
- Веселова, Степанов 2019 – *Веселова И.С., Степанов А.В.* Опыт по ролям: перципиент, конфидент и другие: (коммуникативные основы композиции мифологических нарративов Русского Севера) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 4. С. 10–24.

- Хальбвакс 2007 – Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
- Черванева 2019 – Черванева В.А. Дейксис устных мифологических нарративов: о чем говорят формы первого лица? // Шаги/Steps. 2019. Т. 5. № 2. С. 36–52.
- Шюц 2008 – Шюц А. Некоторые структуры жизненного мира // Вопросы социальной теории. 2008. Т. 2. С. 72–87.
- Эткинд 2018 – Эткинд А. Кривое горе: память о непогребенных. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 328 с.
- Assmann, Czaplicka 1995 – Assmann J., Czaplicka J. Collective memory and cultural identity // *New German critique: Cultural History/Cultural Studies*. 1995. No. 65. P. 125–133.
- Turner 1987 – Turner V. Social drama in Brazilian Umbanda. The dialectics of meaning // Turner V. *The anthropology of performance*. N.Y.: PAJ Publications, 1987. 185 p.

References

- Assman, A. (2023), *Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [Long shadow of the past. Memorial culture and historical policy], *Novoye literaturnoye obozreniye*, Moscow, Russia.
- Assmann, J. and Czaplicka, J. (1995), "Collective memory and cultural identity", *New German critique: Cultural History/Cultural Studies*, no. 65, pp. 125–133.
- Chervaneva, V.A. (2019), "Deixis of oral mythological narratives. What are first person forms talking about?", *Shagi/Steps*, vol. 5, no. 2, pp. 36–52.
- Etkind, A. (2018), *Krivoye gore: pamyat' o nepogrebennykh* [Warped mourning. Stories of the undead in the land of the unburied], *Novoye literaturnoye obozreniye*, Moscow, Russia.
- Khal'bvaks, M. (2007), *Sotsial'nyye ramki pamyati* [The social frames of the memory], *Novoye izdatel'stvo*, Moscow, Russia.
- Shyuts, A. (2008), "Some structures of the life world", *Voprosy sotsial'noi teorii*, vol. 2, pp. 72–87.
- Turner, V. (1987), "Social drama in Brazilian Umbanda. The dialectics of meaning", in *The anthropology of performance*, PAJ Publications, New York, USA.
- Vasilyuk, F.E. (1984), *Psikhologiya perezhivaniya* [Psychology of experience], Moscow University Press, Moscow, USSR.
- Veselova, I.S. and Stepanov, A.V. (2019), "Experience by roles. Percipient, confident and others (communicative basis of the composition of mythological narratives in the Russian North)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 4, pp. 10–24.

Информация об авторе

Инна С. Веселова, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, наб. Университетская, д. 7–9–11;

АНО «Пропповский центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры», Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, 1-я линия, д. 2; veselinna@mail.ru

Information about the author

Inna S. Veselova, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; 7–9–11, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, Russia, 199034;

non-profit organization “The Propp Centre for Humanities-based Research in the Sphere of Traditional Culture”, Saint Petersburg, Russia; 2, 1st Line, Saint Petersburg, Russia, 199034; veselinna@mail.ru